

© Н. Н. БЛОХИНА, 2011

УДК 614.2:93(470+571)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОБУХОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Н. Н. Блохина

Национальный НИИ общественного здоровья РАМН, Москва

В 2009 г. исполняется 230 лет старейшей больнице страны Санкт-Петербургской Обуховской городской больнице. Настоящая работа (в нескольких сообщениях) посвящена только начальному периоду ее деятельности — дореволюционному.

Открытая в Санкт-Петербурге в 1779 г., Обуховская больница получила свое название от находящихся рядом Обуховского проспекта и Обуховского моста. Первоначально эта больница была расположена в 6 деревянных бараках и имела 60 коек.

До сих пор первоначальная дата учреждения Обуховской больницы достоверно неизвестна, но архивные материалы свидетельствуют о том, что уже в 1779 г. в 6 небольших деревянных зданиях уже действующей больницы принимались заболевшие жители города на 60 кроватях. Причем помимо Обуховской больницы, на той же территории были устроены и смирительный дом (сехтгауз), и дом для умалишенных (доллгауз).

Особое объявление, помещенное в прибавлении к «Санкт-Петербургским ведомостям» (№ 63 от 7 августа 1780 г.), сообщало о том, что больница на 60 человек, построенная «на счет казны Е. И. В. на Фонтанке близ Обуховского моста, откроется 14 числа августа» и что она становится общедоступной. Объявлялось, что «в положенное число 60 человек принимаемы будут, во-первых, те больные, кои прямо ни к излечению, ни к пропитанию своему до выздоровления никакого способа не имеют, а потом те, кои < ... > от господ или хозяев присылаемы будут», при условии, что с последних будет взиматься плата за пропитание и лекарства.

Петербургский приказ общественного призрения был учрежден Екатериной II в 1780 г., и Обуховская городская больница перешла в его ведение. При создании приказов общественного призрения на местах на содержание каждого больного было отпущено 15 000 рублей. «В пользу города Петербурга Монархиня отказалась от предложенного ей монумента и собранные на сооружение оного 52 569 рублей обратила в пользу благотворительных учреждений. Общество, восхищенное этим великодушием, скоро пожертвовало на эту же цель большие суммы, так что капитал Приказа, чрез 2 года после его основания, составил уже 307 173 рубля» [4, с. 10].

Первые же годы работы Обуховской больницы красноречиво свидетельствовали о том, что количество коек в больнице необходимо расширять, так как их оказалось явно недостаточно для населения города. В 1781 г. их уже насчитывалось 100.

Главное здание Обуховской больницы было построено в стиле екатерининского классицизма по проекту архитектора Луиджи Руска. Обращенное к Фонтанке здание состояло из главного флигеля здания, где

располагался ряд больших палат, разделенных через каждые 20—25 м выступами от стен, около которых были установлены печи, камины, шкафы и т. п. Подсобное устройство здания, скорее всего, более характерно для дворцовых и казарменных зданий того времени, но для больничных зданий оказалось непригодно, что было его недостатком. Флигель, обращенный во двор (место расположения доллгауза — отделения для душевнобольных), имел другую планировку: по сторонам центрального коридора были расположены небольшие палаты.

Таким образом, стремление сделать больничное здание более удобным для больных привело к тому, что положительными моментами планировки и оборудования стали устройство небольших (изоляционных) палат в торцах здания, создание особых кабинетов для занятий врачей и учебных занятий, обеспечение вентиляции через форточки и камины, расположение уборных в особых пристройках, причем отделенных от палат особым коридором (шлюзом), и, наконец, водопровода.

Необходимо учесть, что специальные больничные здания начинают строиться только во второй половине XVIII века, а до этого больницы располагались чаще всего в монастырских зданиях. В Западной Европе, например в Париже в Hotel Dieu, больных размещали в огромных залах, по несколько человек в одной кровати. Вот почему Обуховская больница должна была считаться образцовой. Эта больница ни в чем не уступала (а подчас и превосходила) лучшим больницам, построенным в то же самое время.

Об организации работы в больнице за первые годы ее существования подробные сведения отсутствуют. Доктору Кельхену, лейб-медику Екатерины II, были поручены разработка проекта больничного здания, а также дальнейшее руководство постройкой новой больницы. Он же стал и первым главным врачом Обуховской больницы.

Известно также о том, что непосредственное отношение к управлению больницей имел городской штаб-лекарь Нилус, а ее медицинский штат состоял из 4 врачей. Довольно сомнительным является встреченный в литературе тот факт, что уход за больными был возложен на людей, содержащихся в так называемом смирительном доме. Скорее всего, эти люди занимались «обслуживанием хозяйственных нужд больницы». Интересна выработанная И. З. Кельхеном инструкция, которая определяла обязанности всего медицинского персонала больницы и оставалась таковой вплоть до 1812 г. Согласно этой инструкции, старший врач должен был каждое утро в 7 ч звоном колокола созывать всех врачей в перевязочную и «тамо имеющим опасных ран больным перевязывать оные самому и все операции делать ему же, а в случаях опасных и важных, докладывать директору, не весьма же опасных препоручает он перевязывать знающему лекарю под своим наставлением». Старшему лекарю «повиновались все лекари, цирульники и «сидельцы»; его наставления равномерно исполняли «касающиеся для медици-

Контактная информация:

Блохина Наталия Николаевна;
тел. 756-50-10

ны, смотритель и смотрительницы». Каждый лекарь в отдельности «должен производить сам все хирургические действия < ... > В книге своей замечает он «наиточнейше»: «номер», имя, лета больного, болезнь, ее увеличение и уменьшение, припадки, прописанные лекарства, их действие и прочее». Дежурный лекарь несет свои обязанности в течение суток, заменяя старшего лекаря и всех остальных лекарей в их отсутствие. Кроме собственно больницы, он обязан был посещать и дом сумасшедших — 4 раза днем и 2 раза ночью». Поскольку сам И. З. Кельхен был хирургом, обеспечению хирургических больных в инструкции уделялось большое внимание.

Через 5 лет после открытия больница еще больше расширилась. Для нее было выстроено каменное здание больничного корпуса на набережной Фонтанки по проекту архитектора Джакомо Кваренги. Строительство Обуховской больницы закончилось в 1784 г.; печатные источники сохранили и знаменательную дату ее открытия в новом (главном) здании — 14 октября 1784 г.

Известным ученым того времени И. Г. Георги в его книге «Описание Санкт-Петербурга» [3, с. 290] дана такая характеристика Обуховской больницы. «В сей больнице наитщательнейшее прилагается старание для наблюдения возможной чистоты воздуха, опрятности комнат, кроватей и других больных надобностей, исправности прислужников, изящности лекарств, ясти и др.».

Таким образом, в каменных зданиях больницы размещалось 300 кроватей, в 1804 г. количество коек возросло до 400. Больница находилась в ведении приказа общественного призрения. Приказ, управляя заведениями, представлял тип крайней централизации. Собственно, само лечебное заведение вело только самую незначительную отчетность о прибыли и убыли людей, небольшом приходе и расходе денег на мелочные надобности или полученных за пользование, да посылали разные срочные сведения. Но все, что относилось собственно и к хозяйству, и к содержанию зданий, и к призреваемым, и к «заподрядам» и заготовкам, было сосредоточено в приказе. В приказе общественного призрения велась переписка и о личном составе, и о прислуге заведений. Приказ общественного призрения имел и особого Главного доктора для всех заведений, и одного «общаго блюстителя за хозяйством» [6, с. 95].

Наступает 1828 г., который становится знаменательным благодаря многим реформам в лечебных учреждениях и заведениях призрения Санкт-Петербурга. Несомненно, знаменательным становится этот год и в истории Обуховской городской больницы. Улучшение в положении больницы произошло именно в 1828 г., когда была создана новая организация, ведавшая больницами и другими «богоугодными учреждениями», — Попечительский Совет Приказа Общественного Призрения» под председательством вдовы Павла I вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Согласно новому распоряжению, во главе больницы находился попечитель, назначенный попечительским советом. Денежные средства отпущались казною. Попечитель не искал, будучи на этом административном посту, каких-либо материальных выгод, почетные награды были отданием должного этому должностному лицу.

Императрица Мария Федоровна, курировавшая попечительский совет приказа общественного призрения в Санкт-Петербурге, за 9 мес своей деятельности на этом поприще, вплоть до своей смерти в октябре 1828 г., сумела сделать достаточно много значимых дел. 1 марта 1828 г. попечители вступили в свои новые обязанности, а 2 марта императрица Мария Федоровна просмотрела и утвердила своими пометками записанные попечителем А. Д. Стогом приказания, данные ею при посещении Обуховской больницы. 3 марта 1828 г. происходит вновь рассмотрение новой «Записки», поданной уже самим Стогом, по делам самым разнообразным в 14 пунктах» [6, с. 81]. Все пункты «Записки» попечителя А. Д. Стога были связаны с покупкой и доставкой нужных больнице продуктов (говядина, крупа, мука), заготовкой дров и

т. д. Резолюции Марии Федоровны отчетливо свидетельствуют о ее верном практическом взгляде и на говядину, и на котлы, и на дрова, и на постройки, и на трубочиста. К имеющимся в то время ценам на рынках она относилась внимательно, зная и сравнивая их, давая рациональные распоряжения своим подчиненным. Об отношении Марии Федоровны к своим обязанностям свидетельствует такой пример: в Обуховской больнице возникла надобность в покупке одеял. «На будущее время я испрошу, — писала Мария Федоровна, — соизволение Императора, любезного сына своего, на выписку одеял из Англии без пошлины» [6, с. 85].

О том, что эта покупка оказалась удачной, говорится в архивном документе, найденном нами в Центральном историческом архиве Москвы. При подготовке к открытию 1-й Градской больницы в Москве в 1832 г. генерал-губернатор Москвы Д. В. Голицын приказал, чтобы были использованы «по назначению» («должны служить образцами для городской больницы») присланные из Санкт-Петербурга образцы белья и посуды. В том же документе есть упоминание о том, что «в качестве образцов» были присланы в Москву и «одеялы байковые, белые «английские» для Обуховской больницы, выписанные из Англии по Высочайшему повелению без платежной пошлины < ... > таковое одеяло длиною 3 аршина, шириною 2 1/2 аршина» [7].

Интенсивность деятельности вдовствующей императрицы впечатляет. За 9 мес работы в попечительском совете приказа общественного призрения императрице Марии Федоровне было «поднесено по Обуховской больнице 85 докладных записок; на них положено ею, по разным предметам 115 резолюций» [6, с. 78]. «Продовольствие, одежда, обувь — все в одинаковой мере рассматривалось ею и разрешалось», — свидетельствует современник» [6, с. 84]. Императрица Мария Федоровна оказалась действительно мудрым администратором. «...она разделила атрибуты прав, равно как и обязанности, между заведениями, поставив во главе их людей, заслуживающих доверия и достаточно самостоятельных. Правда, на первых порах они должны были обращаться за указаниями и разрешениями к ней одной и тем как бы возвращались к централизации; но это было только временное, переходное положение. По мере выяснения отношений определялся и ход дел, и каждый попечитель оказывался в действительности самостоятельным распорядителем, связанным лишь в вопросах, переходящих за известные широкие границы» [6, с. 95].

С момента перехода (1 марта 1828 г.) Обуховской больницы в ведение попечительского совета приказа общественного призрения смиренный дом был закрыт, уменьшенные больные были выведены из больницы. ...палаты, аптека, кухня, пекарня и жилища, от времени пришедшие в ветхость, были исправлены» [4, с. 12].

Изданное несколько позднее (8 июня 1829 г.) «Положение для управления заведениями Общественного Призрения в Санкт-Петербурге» регламентировало «права попечителей заведений общественного призрения». Новый устав содержал 159 параграфов и был разделен на 6 отделений: 1) общие положения; 2) о составе управления; 3) о его обязанностях; 4) о призреваемых в заведениях; 5) о суммах, поступающих на содержание заведений; 6) об отчетности. В своей книге К. Ордин, касаясь дела общественного призрения, занявший только ему присущее место в здравоохранении Российской Империи, очень точно выразил свою мысль: «Общественное призрение есть дело совершенно обособленное в государственном механизме; оно не составляет в нем такого колеса или привода, который облегчает или затрудняет действие машины, хотя в общем строе жизни государства и народа и эта отрасль деятельности играет свою роль, вносит свою долю участия в общем благоустройстве...» [6, с. 126].

У государственных деятелей должна быть уверенность в том, чтобы мелкие чиновники были выбираемы на должности, оставались на этих должностях достойны-

ми людьми, «чтобы нравственное чувство и сознание долга победили в них инстинктивное стремление обратиться то добро, при котором они вращаются ежедневно, ежечасно, в свою пользу». Поэтому и был востребован попечитель — деятельный, достаточно высокопоставленный и высокообразованный, относившийся по ходу дел с осуждением к корыстным стремлениям чиновников, составляя требуемый временем, наиболее ответственный орган государственного управления. С ним непосредственно соприкасалась и верховная власть, считая особым долгом вне ряда общих правительственных забот иметь ближайшее попечение о том, чтобы «назначенное на больного и «сираго» шло прямо на его пользу и благо» [6, с. 127].

К. Ордин, знакомый с положением дел в приказе общественного призрения, писал: «Попечители вообще не имеют и не могут иметь, занимая эту должность, косвенных расчетов на получение наград и отличий. Деятельность их в основании представляется бескорыстной, идущей из всегда похвального желанья принести посильную пользу, жертвуя своим трудом и временем. Как принцип это имеет огромное значение, и нельзя не отнестись к нему с полным сочувствием» [6, с. 128].

Попечителю было предоставлено право определения на службу и увольнения всех должностных лиц вверенного ему учреждения, кроме старших врачей и смотрителей, но и их он мог уволить, дав затем объяснения попечительскому совету. Попечитель мог самостоятельно распоряжаться всеми суммами, ассигнуемыми на содержание учреждения, пополняя перерасходы по одной статье за счет других в пределах до 5000 рублей ассигнациями. Все это в значительной степени облегчало работу. После смерти Марии Федоровны во главе попечительского совета встал граф Кочубей, к которому Стог был очень близок по службе в Министерстве внутренних дел, и это обеспечивало последнее влияние в попечительском совете. Судя по архивным данным этого периода, ни в одном ходатайстве о нуждах больницы со стороны попечительского совета отказано не было.

В эти годы значительно улучшилось питание больных. До 1828 г. в ходу были четыре порции: первая — ординарная, вторая — средняя, третья — слабая, четвертая — кисельная. На ординарную порцию полагались щи с фунтом мяса и два фунта ржаного хлеба; по постным дням недели (среда и пятница) мясо заменялось сметками. На среднюю порцию подавался суп с овсяной или гречневой крупой, полфунта мяса и фунт ржаного хлеба; в постные дни особой средней порции не было. Слабая порция состояла из овсянки на бульоне и фунта белого хлеба; в постные дни полагалась гречневая каша с черным хлебом. На завтрак на все порции давалась овсянка на бульоне. Цинготным больным дополнительно выдавали хрен и лук.

При реорганизации больничного дела с 1828 г. к прежним порциям были добавлены пятая — овсянка, шестая — мясной бульон, седьмая — молочное. Количество продуктов, полагающееся по раскладке, увеличилось. Многообещающим для питания больных стало появление экстрапорций, которыми по назначению врача можно было заменить основную порцию или добавить к ней. К экстрапорциям относились куриный суп, белый хлеб, уха из окуней с белым хлебом, клюквенный или овсяный кисель с бутылкой молока, манная или гречневая каша. На цинготную порцию давались окрошка с луком и тертый хрен [5, с. 20].

Большое внимание уделялось и состоянию мягкого и твердого инвентаря больницы. Были увеличены комплекты белья и обуви для больных и выработаны новые образцы разных предметов больничного обихода: рубах, простынь, одеял, халатов и т. д., а также кроватей, матрацев, столов, табуреток и т. п.» [5, с. 20].

Попечителем А. Д. Стогом были разработаны инструкции для главной надзирательницы в палатах палатных и дежурных надзирательниц, служителей в палатах, кастаньянши и ее помощницы, надзирательницы за кух-

ней, хлебопека и для больных. Пройдя апробацию в Обуховской городской больнице, эти инструкции были введены также и в других больницах [5, с. 20—21].

Алексей Данилович Стог состоял попечителем Обуховской больницы 9 лет (1828—1837). Первоочередной задачей в эти годы были восстановление и приведение в порядок обветшавших построек и оборудования больницы. Были произведены существенные «постройки и починки» — проведены подземные водосточные трубы и помойные ямы; устроена и приведена в действие паровая машина для доставления воды. Паровая машина в 12 сил снабжала водой все резервуары здания, требовалась при стирке и глажений белья, при «прачешной» была устроена новая деревянная сушильня. «Паровая машина, — говорится в отчете, — действует с особой пользой: она доставляет уже обильно воду в разные места и может доставить оную по всему заведению»; при паровой машине устроена была механическая прачечная на 2000 штук белья в день. Устройство в «прачешной» паровой машины оказалось подспорьем в обеспечении больных Обуховской больницы чистым и свежим бельем в достаточном количестве. В эти годы была построена новая аптека с кокториумом; разбит сад на первом больничном дворе, и возвышена часть сада у летних палат. Все здания больницы были капитально отремонтированы. Такое строительство стало возможным лишь благодаря улучшению финансового положения больницы. В первые два года деятельности попечительского совета им было израсходовано 212 000 рублей. Однако на этом работы по благоустройству больницы не остановились.

Обуховская больница становится в эти годы одним из центров подготовки медицинских кадров в России. В 1829 г. попечительский совет учредил при Обуховской больнице школу, которая готовила фельдшеров, с 4-летним медицинским образованием (по некоторым данным, 2-классная школа с 2-летним курсом в каждом классе); эта школа одной из первых положила начало среднему медицинскому образованию в России. Первоначально насчитывалось 18 учеников, позднее их стало 60. В эту школу производился прием мальчиков 12—14 лет, которые должны были по окончании обучения проработать в больнице 10 лет. Фельдшерская школа была закрыта в 1890 г. в связи с введением в дело ухода за больными сестер милосердия.

В фельдшерской школе изучали такие предметы, как «чтение и чистописание на латинском и российском языке, Закон Божий, грамматика российская и латинская, арифметика с показанием аптекарских веса и меры, общие понятия анатомии и вскрытие мертвых тел, фармакология, общие понятия хирургии (повязки, кровопускание, извлечение зубов, костоправство, прививание предохранительной оспы), правила хождения за больными и подачи первой помощи (практически)» [5, с. 22]. Первоначально занимавшаяся подготовкой среднего персонала для больницы в дальнейшем школа стала обучать и стипендиатов приказа общественного призрения из различных иногородних организаций.

В 1830 г. был переустроен дом для вновь организованной фельдшерской школы, расширены и улучшены главная кухня, квасоварня, водогрейня. В нижнем этаже главного корпуса в виде опыта были устроены ватер-клозеты упрощенного типа на четыре трубы; сделано 7 медных ванн для больных. Флигель для умалишенных был перестроен и приспособлен для размещения больных на верхнем этаже, а в нижнем устроено 6 изоляторов и помещения для палатных надзирательниц и фельдшеров [5, с. 12]. Даже после 10 лет, прошедших после смерти императрицы Марии Федоровны, память о ее заботах касательно «страждущих» сохранялась среди горожан, о чем свидетельствует литератор В. Бурьянов, который, сравнивая Обуховскую больницу с Санкт-Петербургской Марининской больницей для бедных, писал: «Обуховская больница есть одна из самых больших больниц столицы; в ней помещается множество страждущих разными недугами людей бедного состояния обоих полов, о которых

прилагаются самые нежные попечения. И здесь нельзя не вспомнить благотворной Марии, находившей какое-то сладостное, невыразимое удовольствие в том, чтобы оказывать помощь страждущему и нуждающемуся человеку. Мы уже видели попечения, прилагаемые у нас в России о больных, когда осматривали Мариинскую больницу; здесь то же, с тою только разницей, что здесь несравненно более кроватей, нежели там» [2, с. 350—351].

В первые годы существования Обуховской больницы смертность в ней была высокой (с 1830 до 1837 г. она понизилась до 14,9%). Несомненно, что высокие показатели смертности объяснялись тем, что зачастую в Обуховскую больницу поступали больные в крайне тяжелом состоянии. И. Г. Георги в своей книге «Описание Санкт-Петербурга свидетельствовал: «...хотя сия больница отличается превосходно перед прочими таковыми заведениями как по своему основанию и учреждению, так и по рачительному присмотру за больными, однако же, невзирая на сие, многие больные, присылаемые нередко весьма поздно, часто без малейшего дыхания и без чувств, умирают вскоре после вступления их в оную и суть причиною великого числа умирающих» [3]. А. Аттенгофер останавливается на этом еще подробнее: «Во-первых, в сию больницу поступают большею частью одержимые неизлечимою болезнью, как-то: чахоткою, водяною, слабостию от старых лет и т. п. Во-вторых, весьма часто в больнице не достает места, а потому всегда почти принимаются только самые слабые из числа явившихся. В-третьих, коренной россиянин обыкновенно тогда уже ищет случая поступить в больницу, когда он для исцеления своего дома испытает все средства, нередко самые противодействующие. Наконец, в-четвертых, господа городские практики весьма охотно отсылают в больницу таких уже немощных, в выздоровлении коих они имеют сомнение или вовсе отчаиваются. Вот обстоятельства, кои удовлетворительно могут объяснить и оправдать причину великой смертности в сем доме» [1, с. 387].

Действительно до второй половины XIX века полиция помещала в Обуховскую больницу главным образом тех больных, «кои прямо ни к излечению, ни к пропитанию никакого способа не имели».

Попечительский совет приказа общественного призрения вкладывал в Обуховскую больницу постоянно возрастающие финансовые средства: «...в первые два года 1828—1829 израсходовано 212 000 рублей, всего же к 1840 году до 420 000 руб.». При этом нужно учитывать, что эти финансовые средства шли только на ремонт старых зданий больницы и совершенствование его хозяйственных и лечебных возможностей [6, с. 161].

При этом не нужно забывать о том, что Обуховская больница всегда соответствовала требованиям времени не только совершенствовалась, но и расширялась. «В 1839 году была закончена постройка нового здания женской Обуховской больницы на 200 коек, которое сделало известным имя его строителя — архитектора Плавова (ученика знаменитого архитектора А. Н. Воронихина), и было признано одним из лучших больничных зданий того времени. Великолепное, торжественное, похожее на дворцовое здание было построено в стиле ампира; гармонично расположение и оформление окон, своеобразно устройство вестибюля, представляющего из себя комбинацию колоннад дорического стиля; на сооружение и первоначальное обзаведение его затрачено было более 500 000 рублей. С открытием женской больницы штатное число кроватей было доведено до 654» [5, с. 12—13].

Забегаю несколько вперед, укажем, что к концу XIX века количество коек в Обуховской больнице достигло почти 1000, а в начале XX века — почти 3000.

Финансовые средства в курируемых попечительским советом приказов общественного призрения лечебных заведениях вкладывались колоссальные. Достаточно сказать, что только на устройство заведений в течение 12 лет «понадобилось до пяти с половиною миллионов рублей»

[6, с. 163].

Необходимо подчеркнуть, что император Николай I был очень хорошо знаком с положением дел в Обуховской больнице. Как указывает его современник, Николай I «знал заведения, относящиеся к ведению Попечительного Совета Приказов Общественного Призрения, и сам указывал те или другие меры благоустройства». Редкий год проходил без того, чтобы Николай I не посетил их, и не один раз. «Собственно в Обуховской больнице император Николай I был 34 раза» — это слова свидетеля подобных посещений» [6, с. 244].

Непростой путь, пройденный Обуховской больницей, последовательная перестройка и совершенствование больничного дела позволили превратить ее в одно из лучших клинических лечебных учреждений Санкт-Петербурга.

В этом крупном научно-медицинском центре первой половины XIX века работали такие известные ученые и клиницисты, как Н. И. Пирогов, К. А. Майер, Н. Ф. Арендт.

Научные занятия врачей, работавших в Обуховской больнице, проходили в организованном в 1819 г. Обществе немецких врачей. На заседаниях этого общества всегда присутствовал главный врач Обуховской больницы К. А. Майер.

Не подлежит сомнению и высокое развитие хирургии в Обуховской больнице в первой половине XIX века. Достаточно сказать, что в качестве консультанта здесь работал выдающийся хирург того времени Н. Ф. Арендт.

Лейб-медик императора Николая I Николай Федорович Аренд был приглашен в 1828 г. в качестве обязательного консультанта в Обуховскую больницу. Хотя его должность и не оплачивалась, он ежедневно вплоть до 1845 г. регулярно бывал в больнице, без его согласия операции не производились.

Лейб-хирург Карл Антонович Майер пробыл в должности старшего врача Обуховской больницы с 1828 по 1840 г. Старший врач К. А. Майер был обязан совещаться с Н. Ф. Арендтом по тактике лечения самых трудных больных. Н. Ф. Арендт, как опытный врач, значительно содействовал успешной терапии не только своими указаниями, но и тем, что сам делал «важные» операции трудным больным, всячески способствовал образованию и усовершенствованию ординаторов по хирургии. В 1840 г. доктора Арендт и Майер осуществили поездку в Германию и Францию для закупки необходимого хирургического инструментария, что позволило в значительной степени обновить и расширить ассортимент нужных хирургических инструментов в Обуховской больнице в эти годы. Несколько позднее (1845) после ухода Н. Ф. Арендта консультантом Обуховской больницы стал известный русский хирург Н. И. Пирогов.

Росла потребность в больничных койках. Первым филиалом Обуховской больницы была Калининская, о которой в 1820 г. А. Аттенгофер писал: «...сие заведение для сифилитических болезней состоит под одним и тем же начальством и есть токмо особое отделение Обуховской больницы» [1, с. 389].

Серьезным испытанием для Санкт-Петербурга стали холерные эпидемии 1830—1831 и 1848—1849 гг. Практические врачи того времени смогли дать описание холерных эпидемий. Как свидетельствует известный врач А. А. Нечаев, Общество немецких врачей выпустило сборник, посвященный эпидемии 1831 г. В этом сборнике была помещена небольшая заметка Шклярского и статья К. А. Майера. В своей заметке Шклярский описывает клиническую картину трех стадий холеры по данным вскрытий 6 трупов. Он обратил внимание на отек и кровоизлияния в вещество мозга. Автор сделал вывод о том, что сущность холеры состоит в эпидемическом поражении ЦНС. Вскрытия трупов больных холерой в Санкт-Петербурге Шклярский произвел один из первых. Большая статья К. А. Майера в этом сборнике посвящена началу эпидемии, клинической картине и лечению холеры. Отчет о холерной эпидемии 1848 г., написанный, по-видимому, коллективно, был выпущен в 1849 г. Там

были представлены данные об истории холерных эпидемий в России, в частности в Санкт-Петербурге, и ряд сведений о клинике, патологической анатомии и лечению холеры, особенно подробно изложена патологическая анатомия холеры. Вскрытия, произведенные Н. И. Пироговым в Обуховской больнице, послужили материалом для его известного классического атласа. В отчете отмечается значение Н. И. Пирогова в деле усовершенствования знаний врачей больницы, в понимании ими клинических особенностей холеры.

Начиная с 1835 г. известный хирург и ученый Н. И. Пирогов читал в Обуховской больнице лекции врачам и демонстрировал патолого-анатомические вскрытия. С 1845 г. в течение ряда лет Н. И. Пирогов был консультантом больницы. Хирургическая деятельность в Обуховской больнице с приходом доктора Н. И. Пирогова оживилась. Достаточно сказать, что в 1845 г. из 31 операции, произведенной с момента его прихода, 14 выполнил он сам. Не случайно поэтому именно в Обуховской больнице 16 февраля 1847 г. Н. И. Пирогов провел свою первую операцию под эфирным наркозом больному с фистулой заднего прохода. Хотя глубокого сна у больного и не наступило, все присутствующие на операции видные хирурги имели возможность засвидетельствовать, что оперативное вмешательство прошло довольно спокойно.

На базе патолого-анатомического отделения Обуховской больницы Н. И. Пирогов изучал распилы замороженных трупов. Напряженный труд закончился созданием атласа топографической анатомии человека.

Таким образом, можно с полной уверенностью свидетельствовать о том, что Обуховская больница на про-

тяжении конца XVIII — первой половины XIX века находилась под заботливым попечением императоров Александра I, Павла I, императрицы Екатерины II, императора Николая I. Наиболее наглядно это проявилось в деятельности попечительского совета приказа общественного призрения, занятого и строительством новых больничных зданий, и регулярным ремонтом старых. Его забота выразилась и в улучшении питания больных, получении широких возможностей для снабжения больничных помещений необходимым больничным инвентарем, а также в принятии мер к повышению качества врачебного наблюдения и ухода за больными. При привлечении значительных финансовых средств было выстроено новое здание женской больницы (архитектор Плавов), что дало возможность большему числу больных лечиться в этом замечательном лечебном учреждении.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аттенгофер А.** Медико-топографическое описание С.-Петербурга СПб.; 1820.
2. **Бурьянов В.** Прогулка с детьми по С.-Петербургу и его окрестностям. Ч. 11. СПб.; 1838.
3. **Георги И. Г.** Описание столичного города С.-Петербурга. СПб.; 1794; т.: 293.
4. **Герман Ф.** Исторический очерк Обуховской больницы за 100 лет. 1784—1884. СПб.; 1884. 12.
5. **Нечаев А. А.** Очерки по истории Обуховской больницы. Л.; 1952.
6. **Ордин К.** Попечительный Совет Приказа Общественного Призрения в С.-Петербурге. Исторический очерк 1828—1878. СПб.; 1878.
7. ЦИАМ. ф 14, оп 9, д 18 87 с 5 об.

Поступила 15.10.09